

*Солнечная
Долина*

Марина Бонд

18+

Марина Бонд

Солнечная Долина

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51598356

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-07254-1

Аннотация

Амбициозная и талантливая журналистка получает предложение от главного редактора – отправиться в глухую провинцию и взять интервью у известного в местных кругах предпринимателя. Движимая стремлением получить взамен репортажа должность заместителя, она отправляется на своей машине за сотни километров от дома. Уже на месте ее автомобиль выходит из строя и ей приходится остаться в «Солнечной долине» дольше запланированного. Если бы она только знала, как эта поездка изменит ее жизнь и расставит все на свои места...

Марина Бонд

Солнечная Долина

Пролог

Она прошмыгнула на пролет выше и притаилась в темном углу. Прислушалась. Дверь с ужасным скрипом отворилась. Нетвердые шаги раздались по коридору, затем по лестнице. Звук становился тише. Значит, преследователь отдалялся, а не наступал на нее. Пьяные маменькины ухагеры, взбешенные очередной дерзостью ее соплячки, никогда не поднимались наверх. Всегда – только вниз. И в самый первый свой побег, когда она спряталась этажом ниже, ее поймали. Лупили долго и больно. Тогда она изобрела другую тактику бегства и она еще ни разу не подвела. Пока...

Грубый мужской голос гаркнул непотребное ругательство, и шаги зазвучали в обратную сторону. Тупица! И этот не допетрил, где ее искать. Сейчас вернется к своей собутыльнице и устроит ей разнос. Поделом! Она больше не собиралась получать тумачки за то, что всего лишь повторяла оскорбительные слова своей матери-алкоголички в адрес ее же любовничков. Или дружков. Или кем они ей там приходятся?

Дверь захлопнулась. Только сейчас ее носа наступил удушливый смрад перегара и табачного дыма. Она поморщилась и отступила. А ведь спертый воздух подъезда ей казался почти свежим! Послышался глухой стук и звон разбитого стекла.

Дерутся. Она протяжно вздохнула – придется где-то искать место для ночлега и в этот раз.

Она развернулась, бесцельно шаря глазами по стенам. Вдруг наткнулась на кресло с бесформенной грудой одежды. Свет горел этажом выше и ниже. Она стала подходить ближе, чтобы разглядеть этот хлам. Губы растянула глуповатая улыбка. Руки сжались в кулачки. Пальцы на босых ступнях поджимались от холода бетонного пола. Она предвкушала, как согреется под этим тряпьем и переживет ночь.

Булькающий звук от кресла заставил ее насторожиться. Она пригляделась внимательнее. Улыбка сползла с ее лица и между детским пушком бровей сморщилась кожа.

– А, это ты, – с явным разочарованием прошептала девочка. Тем, что она приняла за свой временный, а может и не временный, приют, оказался мальчик. Она видела его несколько раз на детской площадке перед домом. Он всегда сидел в этом кресле и никогда не играл с другими ребятами. Его тонкие ноги странным образом изгибались. На скрюченных руках пальцы то сжимались, то разжимались. Он криво держал голову и очень мало говорил. Во всяком случае, с ней. Она несколько раз заводила с ним разговор, и он весьма неохотно вступал в диалог. Зачастую вместо него отвечала на ее бесхитростные расспросы взрослая тетя, которая часто была при нем. Наверное, его мама.

Она, как и он, тоже не пользовалась популярностью среди дворовых детей. Она страдала от репутации своей пьяни-

цы-мамаши, а он – из-за своей слабости. Бывало, она даже заступалась за него, когда ребята обидно дразнили его, а рядом не было его мамы. Детское простодушное сердечко отчаянно нуждалось в друге, и она нашла его в нем – этом беспомощном мальчишке.

– Почему ты сидишь здесь? Тебя что, выгнали из дома? – спросила девочка. Голосу вернулся звук.

– Н-н-нет, – ответил он. Это простое слово ему удалось выговорить с трудом. Девочка стала переминаться с ноги на ногу – они замерзали. Подошла к двери и встала на коврик.

– И ты называешь это жизнью?! Да это не жизнь, а каторга! Это вечная пытка и мука! И не только для нас – для него тоже! Последний раз прошу тебя – одумайся! Давай отправим его на лечение, а сами заживем нормально – так всем станет легче!

– Я никому его не отдам.

– Раз так, то с меня хватит! Все! Я так больше не могу!

Девочка отчетливо услышала за дверью сердитый мужской голос с визгливыми нотами отчаяния. Ему отвечал тихий женский. Инстинкт самосохранения велел бежать, и она отскочила от двери за секунду до того, как та с грохотом ударилась об стену и рикошетом захлопнулась. Мимо ураганом пронесся мужчина, не глядя на детей. Затем настала тишина.

– Это хорошо, что он ушел. Теперь тебе можно вернуться, и тебя не будут бить, – экспертно заявила малая, подбоченившись для пущей убедительности. Мальчик молчал.

Она слышала его неровное натужное дыхание. Девочка покосилась на придверный коврик, но опасалась снова встать на него. Как назло, он был единственный на всей площадке.

Дверь снова открылась, на этот раз беззвучно. Вышла та самая тетя. От нее вкусно пахло, и она всегда угощала девочку конфетой, когда та начинала разговор с мальчиком. Устало шаркая ногами по полу, она подошла к креслу. Взялась за ручки и стала разворачивать к двери. Девочка так и осталась незамеченной.

– Драсьте, – привлекла к себе внимание малая. Тетенька обернулась. Мокрые от слез щеки приподняла вымученная улыбка.

– Привет, конфетка. Не стоит так поздно выходить гулять. Ступай домой.

Тетенька достала из кармана старенькой кофты конфету и протянула девочке. Та быстро выхватила ее из слабой руки. И все. Больше она не видела ни тетю, ни мальчика в инвалидной коляске.

Глава 1

– Я?!! Почему я?!

– Потому что это длительная командировка, а ты единственная из всего отдела не обременена счастьем ежедневного ухода за детьми и мужем.

– У меня есть кот. И фиалки. И рыбки. Я тоже не могу их бросить, – слабо, словно на ходу выдумывая отговорки, возразила Влада. Она утопала в офисном кресле, сидя напротив

главного редактора и глядя на него исподлобья. Их разделял письменный стол, заваленный статьями, очерками, репортажами и прочей корреспонденцией.

– За ними может присмотреть Лена. Как, впрочем, и каждый раз, когда ты уходишь в загул, – ворчливо добавил он. Влада усмехнулась и отвела лукавые глаза. Что, правда – то, правда. Бывало, разудалая пятничная вечеринка растягивалась аж до самого понедельника. И она, беспечно позабыв о питомцах, сутками пропадала вне дома. Хорошо, что Лена, ее подруга и по совместительству коллега, живет с ней в одном доме. Она даже обзавелась вторым комплектом ключей, чтобы иметь возможность беспрепятственно приходить и кормить оголодавших животных.

– Кроме того, репортаж обещает стать весьма значимым и сулит репортеру громкий успех. При ответственном подходе, разумеется, – Олег Павлович сложил руки домиком. Стекла очков блеснули, когда он чуть наклонил голову. Серый в полоску шарф неизменно обматывал его тонкую шею. Он носил шарф всегда и везде. На улице и в помещении, на службе, либо на прогулке, зимой и летом. Это была его отличительная особенность. Своего рода визитная карточка. Только в холодное время года шарф утеплялся, а в теплое – сменялся на более легкий. Сейчас был легкий.

– И чем же он так интересен? – вяло полюбопытствовала Влада. Этот разговор тет-а-тет в его кабинете, вместо публичной огласки, жесты и намеки – все говорило о том, что

ей не отвертеться.

– Этот человек поднял заброшенные земли с нуля. В некогда безжизненном районе обосновались люди. С появлением рабочих мест потекла бурная жизнедеятельность. Край расцвел с его появлением. Он преобразил его до неузнаваемости. Да такой степени, что его заметили местные власти и предлагают занять высокую должность.

– Это вы уже говорили, – протянула Влада, и ее серые в густой опуши ресниц глаза, заволокла скука.

– Самое интересное заключается в том, что он страдает от неизлечимого недуга, пережив детский церебральный паралич.

– Мне нужно написать статью об инвалиде? – она изогнула смоляную бровь. Спрятала руки поглубже в бездонные карманы толстовки и втянула голову в плечи. Ей совсем не улыбалось тащиться за тридевять земель, чтобы настрочить публикацию о местном калеке. Пусть даже таком значимом.

– Заметь, об очень успешном, которого выдвигают в депутаты края, что само по себе является исключением из правил!

– Небось, оказался родственничком какой-нибудь местной «шишки», вот его и выдвигают, – пожалала она худыми плечами и отвернулась в сторону, откровенно выражая незаинтересованность. На ее рабочем столе дожидалась кружка наверняка уже остывшего чая с мятой и гораздо более интересная, на ее взгляд, прерванная статья.

– У него нет ни родственников, ни связей – это мне известно доподлинно. Это очень достойный человек, сильный и волевой. Пример для подражания. Об этом мне известно из достоверных источников. Статья о нем – это сенсация! Ее автор может значительно продвинуться вверх по карьерной лестнице. Вплоть до заместителя главного редактора, – его хитрые глаза расчетливо блеснули. Он приберег свой козырь до нужного момента и не прогадал.

Влада стрельнула на него глазами. Всполохи живого интереса отразились в них. Она поднесла руку к виску и стала теревить короткую черную прядку волос. Этот жест всегда выдавал в ней крайнюю степень волнения. Как же она мечтала об этой должности! Как давно стремилась заполучить ее! Она уже десять лет топчется на одном месте, будучи обычным корреспондентом. И вдруг освободилось место зама, и появился реальный шанс его занять!

– Могу я подумать? – «переобулась» она. Все же кот... а командировка на неделю...

– Разумеется, можешь. А я пока предложу эту работу еще кому-нибудь. Скажем, Анжеле Петровне, – деловито продолжил Олег Павлович и поднял трубку телефона внутренней связи.

Адским пламенем полыхнули сузившиеся глаза Влады. С этой белобрысой выскочкой они невзлюбили друг друга с первого взгляда. Сразу, как только Анжела пришла в отдел, между ними началась конкуренция. И если Влада брала на-

храпом и дерзостью, то та – ангелоподобной внешностью, трудолюбием и прилежанием. Очень часто Влада проигрывала ей в репортажных съемках, уступая своей пацанской внешностью. Но не в этот раз. Только не сейчас! В этот шанс она вгрызется зубами!

– Я еду! – решительно заявила она прежде, чем Олег Павлович успел хоть что-то сказать в трубку.

– Я и не сомневался, – довольно улыбнулся он и кивнул.

Так и осталась свернутым окном на рабочем столе наполовину написанная статья. Окончательно остыл позабытый чай с мятой. Влада активно начала процесс сборов прямо в офисе: изучила место, куда предстояло отправиться, выстроила ряд вопросов для респондента. Ее так и подстегивала заманчивая перспектива заместителя.

Вечером, уходя из офиса, она громко попрощалась со всеми коллегами. И еще громче – так, чтобы непременно услышала соперница – объявила, куда и зачем едет. У белобрысой покраснели уши и поджалась губы к возрастающему удовольствию Влады.

– Надо купить запас еды этому проглоту, – бубнила она себе под нос, усаживаясь в машину. – И пакетик хлопьев рыбкам. Два. На всякий случай.

Погруженная в свои мысли, она на автомате ехала к супермаркету и не сразу услышала трель телефона.

– Я в курсе твоих закидонов и взбалмошного характера, но сегодня ты бьешь все рекорды! Ты опаздываешь уже на

час, Влада! На целый час! – вместо приветствия смеющийся голос ее парня закатил ей шутливую взбучку. Влада на мгновение широко раскрыла рот и глаза и тут же зажмурилась, сильно сжав губы. Она совсем забыла об Игоре! У нее просто вылетело из головы, что она хотела еще с обеда отпроситься и пойти с ним на свидание. Более того, она даже не вспомнила о том, чтобы поставить его в известность об отъезде.

– Слууушай, тут такое дело... – протянула она. – В общем, я не приеду. У меня командировка нарисовалась и мне надо срочно уехать.

– В смысле не приедешь? Влада, ты нормальная? Я жду тебя уже до хрена времени!

– Да, да. Я понимаю. Ну, так получилось... сорян, – с сожалением сказала она.

– погоди. Что значит уехать? – переспросил уже озадаченный голос друга, будто до него только сейчас дошел смысл ее слов. – Куда уехать? Надолго?

Влада закатила глаза, чувствуя подступающее раздражение. Вкратце пересказала ему события насыщенного дня и, не слушая возражений, попрощалась. Нажала на отбой и прислонила телефон углом ко рту. Улыбающемуся рту. Зубы обнажились в улыбке, и плечи затряслись от смеха. Ну, надо же! Она напрочь позабыла о своем парне! Она подумала о коте, даже о рыбках, а о нем забыла! Дела...

Вот таким неприметным был этот Игорь. Так-то он славный малый из хорошей семьи, с хорошей наследственностью.

Про таких, как он, говорят «хороший». Это такое безликое прилагательное, которым наделяют всех скучных, но надежных парней. От которых гуляют, но с которыми заводят семьи. А потом снова гуляют, но не уходят, потому что надежный, хороший...

Приехала домой. Скинула толстовку и осталась в одной майке и свободных джинсах. Разобрала сумки. Взяла на руки упитанного Барсука и встала у окна. Почесала его за ухом и кот громко заурчал. Она улыбнулась, глядя на скамейку во дворе. Много теплых вечеров, да и ночей, провела она там с веселой компанией друзей. Именно здесь ее Барсику придумали новую кличку. Она снимала квартиру в старенькой «хрущевке». Двор окружали еще три таких же. Живя на первом этаже, ее кот имел свободный выход на улицу в теплое время года, когда форточка была открыта настежь. Вот тогда-то он и обхаживал всех местных кошек. Стали шутить над тем, что Барсик – король местных сук, а дошутились до того, что Барсик стал БарСук'ом.

– Уеду я, парень. Ты тут без меня хозяйничай, – уткнувшись в его мягкую шкурку на загривке, приглушенно пробормотала Влада. Барсук мяукнул, услышав голос хозяйки.

– Не, не как в прошлый раз, – виновато улыбнулась та и перевела взгляд в большие блестящие глаза кота.

В прошлый раз она ушла в загул на несколько дней, удивив этим даже саму себя. Пригласила друзей в ночной клуб и закатила там настоящую пирушку по поводу закрытия кре-

дита за свою машину. Потом случайно оказалась втянутой в компанию новых знакомых. Потом каким-то чудом оказалась у своего бывшего. А в себя приходила уже у нынешнего. Барсук тогда сутки голодал, пока Влада не вспомнила о нем и не попросила свою верную Лену покормить его.

– Баб домой не води. Приеду – всех выгоню! – шутливо пригрозила она. – Лена будет кормить тебя, так что рыб не трогай. Да ты и так все знаешь. Ладно, – она чмокнула кота в мордочку, – пора спать.

Глава 2

Ясное небо по-летнему высоко стояло над землей. Пронзительная голубизна его заставляла щуриться и отводить глаза. Солнце раскаленным диском высилось в зените. Знойный воздух окутывал шерстяной шалью, тяжело ложился на плечи. Бескрайние поля, высушенные сухим ветром, выжженные лучами солнца, на окраинах, в дали, в неясной знойной дымке оканчивались редким лесом. Протяжный жалобный переклич соколов застревал в слоях тяжелого воздуха. Тень от размаха их крыльев размеренно скользила по сухой земле до тех пор, пока хищник не приметит добычу. Тогда, сложив крылья, он камнем бросался вниз, и разморенная от жары и духоты незадачливая мышка оказывалась в цепких когтях птицы.

«Долина» притихла и замерла. Не слышалось шутливое переругивание работников, такое обычное в часы рассвета и по вечерам. Не разносилось по всей округе разнотональное

тение кочетов. Не звучал оглушительный гогот гусей, в ожидании кормежки. Не брехали собаки. Не доносилось из крытых загонов лошадиное ржание и нетерпеливый перестук копыт, поторапливая людей выпустить животных на выпас, пока удушливая жара не загонит их обратно в тень. Не прокапывался над всей этой суматошной возней рокот моторов рабочей техники. Все затаилось, пережидая душные часы обеденной жары.

Три человека лениво играли в домино, медленно переставляя кости. От полуденного пекла их хоть немного спасал навес, под которым стоял простенький деревянный стол, за которым они сидели, да кувшин с клюквенным морсом, доверху наполненный колотым льдом. Они неохотно ворочали языками лишь в крайних случаях. Когда, например, кто-то из них явно и бессовестно мухлевал. Один из них первым услышал звук приближающегося мотора.

– Неужто Алексеич возвращается? – высказал он вслух догадку. Сдвинул шляпу на седой затылок и поглядел на въезд в Долину.

– И надо ему, окаянному, мотыляться взад-вперед? Не сидится, приبلудному, на месте, – вторил глухой голос другого старика. Он откинулся на спинку шаткого стула, достал из нагрудного кармана клетчатой рубашки пачку папирос и закурил.

– Не он это, – возразил третий мужчина гавкающим баритоном на вид моложе первых двух. – Слышь, как собаки

брешат? Чужаки едут.

И впрямь, собаки, посаженные на цепь днем и только по ночам спускаемые стеречь Долину по всему периметру, заливались хриплым лаем. Старая грузная сучка, прародительница всего приплода, натягивала цепь до предела, рвалась вперед, щерилась и огрызалась, подавая своим потомкам пример ретивой службы. Более молодые суки и кобели вторили ей. Все они были непонятной масти, угольно-черного окраса с редкими рыжевато-бурыми пятнами и лохматой, местами свалывшейся, шерстью.

Немного погодя они увидели облако пыли на проселочной дороге, а вскоре и причину самой этой пыли. Подпрыгивая на ямах и ухабах, объезжая особо крутые, к ферме подъезжала махонькая по местным меркам машинёшка. Такие «игрушечные» машинки были только у городских или у туристов. Из-за толстого слоя пыли на кузове невозможно было различить цвет автомобиля.

– Не иначе, как залетные туристки заплутали, – крикнув, сказал Степан Егорович. Он перекатил обмусоленную веточку с одного края рта на другой, от чего морщинистые старческие губы растянулись, будто в улыбке. Поправил тяжелую шляпу на седых, мокрых от пота волосах. Но глаза сочного голубого цвета, окруженные тонкой паутиной морщин, пристально следили за приближением машины.

– Или опять из этих органов ихних, умных, – предположил Толик. Уж больно ретиво шла машинка, будто точно

знала, куда путь держит. Заблудшие туристы едут крадучись, осторожно.

Толику шел седьмой десяток. А может и перевалило уже – никто точно не знал. Даже сам Толик. Но все всегда кликали его «Толик» и никак иначе. Документов он не имел, как и родственников. Не знал он своего происхождения, не имел образования. Да и зубов хоть бы половина со всего рта набралась – и то ладно. Из нажитого на нем какая-никакая одежда да пара сменного белья – вот и все имущество.

– Чтоб их черти затаскали, сучье вымя, – Виталий злобно сплюнул. Отодвинул стул, будто хотел встать и уйти, но передумал. Надвинул широкополую шляпу ниже на глаза. Презрительно скривил рот на заросшей темной щетиной тяжелой нижней части лица. Скрестил руки на груди и хмуро уставился на непрошенных гостей.

Тем временем, машина миновала главный въезд и, сопровождаемая громким лаем собак, подкатила прямо к мужичкам.

Влада глянула на приборную панель – за бортом показывало +36 градусов по Цельсию. Ей жуть как претило выходить из блаженной прохлады салона в это адское пекло. Но она приехала. Ее трехдневное путешествие на полуостров закончилось. Она собрала волю в кулак и вышла. На нее тут же обрушились сжигающие заживо палящие лучи солнца. Легкие обожгло при первом же глотке воздуха с примесью пыли. Она произвольно прижала ладонь к горлу, сдерживая

кашель. Задышала ровнее. Поправила солнцезащитные очки на носу и оглядела дом, перед которым остановилась.

Ничего кричащего или вычурного. Простой выбеленный дом из камня с мансардным этажом. На окнах спущены жалюзи. Возле окон конструкции кондиционеров. Только они и спасают от такой жары. Она и двух минут не простояла, а рубашка-топик уже стала прилипать к намокшей спине. Собралась, было, пойти к парадному входу в дом, как ее окликнули.

– Подсказать чего, милушка? – подал голос Толик.

Влада только сейчас заметила трех мужичков, что сидели под навесом сбоку от дома. Как бы ни манила прохлада дома, но она направилась к ним.

– Добрый день, – поздоровалась она. – Я верно приехала в «Солнечную Долину»?

– А то ж, – кивнул Степан Егорович.

– Мне нужен Елагин Даниил. Подскажите, где я могу его найти?

– Это Алексеич, чё ли? – уточнил Толик. Он оперся рукой о стол и вместе со стулом развернулся лицом к гостье. От этого движения камешек, что подпирал сломанную ножку, выскочил и стол накренился вбок. Егорыч, ворча, нагнулся за камешком и вернул его на место. А Толик улыбался почти беззубым ртом вставшей перед ним девушке.

Пока Влада рылась в глубинах памяти, вспоминая отчество искомого субъекта, другой, молчавший до этого, карка-

ющий голос рывкнул:

– По кой хрен он тебе?

Влада поёжилась под его злым щупающим взглядом. Но потом расправила плечи и постаралась стать выше своего и так не малого роста.

– А это вы? – высокомерно спросила она. Тот мотнул головой. – Значит, не вашего ума дело!

Вот опять из нее попёрла эта неуместная дерзость.

– Будет тебе зубоскалить! – осадил его товарищ постарше, когда он собрался что-то ответить. Тот смачно сплюнул. Влада решила сменить тактику от греха подальше.

– Меня зовут Владислава Ларина. Я корреспондент журнала «Нужные люди». Я приехала взять интервью у Даниила Елагина и написать о нем статью в нашем журнале. С этой целью и разыскиваю его, – как можно дружелюбней представилась девушка.

– Аа, эт можно! – глотая и одновременно растягивая слова, снова улыбнулся словоохотливый Толик. – Он зараз должён быть в подс...

– Язык придави! – резко оборвал его Виталий. Окинул насмешливым взглядом озадаченную такой противоположной реакцией девушку. – Ишь, резвая какая! Так он тебе и дал эту... интерю. Держи карман шире!

– Мне непонятен ваш скепсис, – оторопела Влада. Виталий не понял значение этого слова. – Насколько мне известно, он очень уважаемый человек в вашем округе. И что пло-

хого в том, чтобы о его благодеяниях узнали все, благодаря статье?

– И то верно! Алексеич дюже славный малый! – подхватил улыбчивый Толик. – Только вот писать об себе... кхм...

– И я о том. Ехала бы ты отсюда. Нечего здесь вертеться. Тут и без ваших статей хорошо живётся! – снова гаркнул самый молодой.

– Да почему вы за него решаете?! – взорвалась Влада. Она стояла на самом солнцепёке. Короткие волосы на затылке намокли от пота. Тоненькие струйки текли между лопатками и по бокам из подмышек. Это добавляло раздражения. – Вы кто? Его представитель? Опекун? Он что, неразумное дитя или калека, что не может сам за себя ответить?!

И только эти слова с гневом сорвались с губ, как до нее дошло, что ляпнула лишнего. Неудобно вышло. Но идти на попятную было поздно.

– Хорош собачиться! Нехай сам решит, – оборвал их перебранку Егорыч на удивление зычным голосом. Потом обратился к девушке более мирным тоном, – В полях он. В подсолнечниках. Как ехать в Долину по правую руку. Зараз там, а нет, так вечером тута будет. Хошь – поезжай, хошь – обожди здесь, дело хозяйское.

– Спасибо, я попробую найти его.

Все трое смотрели вслед удаляющейся размашистым шагом девушке.

– Курва зубоскальная. Огрёбём мы с ней хлопот, помяни-

те мое слово. Эта пристанет, как короста липучая, – бухтел себе под нос Виталий. Он вынул папиросу, закурил.

– Ты пошто въелся в бабу? Дорогу штоль перешла? Поперёк легла где? Нехай Алексеич сам с ней потолкует. Не твое это дело, – урезонил его Егорыч.

Озлобленная на весь мир натура Виталия недобрую службу служила ему. Конфликтный он человек. Паскудный. Отчего так? Поди, разбери. Сколько проблем было у хозяина из-за него – всех не перечесть. И драки затевал, и споры разжигал. Намаялся с ним Алексеич. Выгнать – не выгонишь: куда он пойдет? Ни дома, ни родни. Вот и решил оставлять на ферме со стариками – только они на него и знали управу.

Влада облегченно вздохнула, вновь ощутив прохладу автомобиля. Завела двигатель и рванула с места. Ох, и довел ее этот... умник! И чего пристал, спрашивается? Она медленно выпустила из себя воздух, надув щеки. Побарабанила пальцами по рулю. Оставалось надеяться, что этот «Алексеич» поговорчивее будет.

Она выехала на дорогу, что глубоким шрамом прорезала поля подсолнечников.

– Так. По правую руку. Ну, допустим, – пробурчала она и свернула на узкую, шириной в одну машину, дорожку.

Да, пришло время признать, что ехать на машине в такую даль была не самая удачная идея. Но она настолько привыкла быть мобильной и самостоятельной, что даже тысячи километров была готова преодолеть за рулем. Но на второй

день езды эта прыть поубавилась. Стало затекать и болеть все тело от постоянного положения сидя. На третий день она искренне жалела, что не воспользовалась услугами авиакомпаний. Она очень устала ехать с предельной концентрацией внимания по оживленной федеральной трассе. Поясница ныла. Задницу она просто уже не чувствовала. Еще жара эта доканывала. В придорожных мотелях ни кондиционеров, ни нормальных удобств. Так хочется, наконец, помыться в человеческих условиях и выспаться!

Под капотом что-то застучало. Шум усилился. Хлопок! Приехали. Машина заглохла и встала. Из-под капота повалил дым. Ну, здорово! Влада откинула голову на подголовник кресла и застонала. Только этого еще не хватало! Взяла с соседнего кресла телефон – связи нет. Без кондиционера салон начал быстро нагреваться. Еще чуть-чуть и она нехило так поджарится.

Влада-гриль! Кому Владу-гриль?! – подумала она с долей сарказма.

Вышла из машины. Вокруг подсолнухи с ее рост. Куда ни глянь – везде одни подсолнухи. Подняла телефон на вытянутой руке – нет связи. Вот тебе и роуминг по всей стране. Делать нечего. Взяла сумку с документами и пошла в обратную сторону, искать подмогу. Через несколько метров она почувствовала, как оголенные участки кожи стало нещадно жечь. А вот крем от загара она не подумала с собой взять. Ну, правильно. Не на отдых же ехала. Еще через несколько

шагов жечь кожу стало нестерпимо, а дорожке конца и края не видать. Она остановилась в растерянности, оглянулась, и решила вернуться и переждать солнцепёк в тени автомобиля.

Глава 3

Влада распахнула все двери настежь, замуровала заднее стекло вещами и вытянулась на заднем сидении автомобиля. Она спряталась в тени, и это уже принесло немалое облегчение. Она даже задремала, уморившись от дороги и волнений. Очнулась от звука приближения моторного рокота. Мигом сбросила сонливость и выскочила из машины.

С того же конца поля, откуда заехала она, увидела облако пыли. Оно приближалось и приобретало очертания машины. Она так обрадовалась, что стала размахивать руками и подпрыгивать, привлекая внимание. И только когда машина подъехала достаточно близко, представила, насколько нелепо выглядели ее действия со стороны. Скорчила ироничную гримасу и усмехнулась над собой. Машина бы в любом случае подъехала к ней – маши – не маши. Тут одна дорога. Все, других нет. Кругом поля густо посаженных подсолнухов. Ей и при желании не проехать мимо.

Машиной оказался целый грузовик, такой же пыльный, как и ее машина. Большущий, еле поместившийся на узенькой дорожке. Остановился. С водительской стороны с визгливым скрипом открылась дверь, и с подножек сошел человек.

Влада положила ладонь щитком от солнца над глазами. Она смотрела, как мужчина в затасканных рабочих джинсах и клетчатой рубашке непонятного цвета, с рукавами, закатанными до локтей, тяжелой поступью шагал к ней. Он так грузно переставлял свои ноги, будто каждая из них весила тонну. С такой силой ставил их, что стоптанные грязные ботинки зарывались в дорожную пыль на всю немалую толщину подошвы. Шел не спеша, но напористо.

– Здравствуйте! – опомнилась Влада, когда мужчина подошел, бегло осмотрел машину и перевел взгляд на нее. – Как хорошо, что вы оказались здесь! Дело в том, что у меня сломалась машина, и я не представляю, как мне выбраться отсюда! Мобильная связь не ловит, и я не могу позвонить попросить о помощи... Вот...

Она умолкла под его изучающим взглядом. Темно-синие глаза смотрели пристально, с сильным блеском, но как-то неподвижно. Густые русые брови почти сошлись на переносице. Ноздри раздувались, как у хищника, который почуял добычу. Губы плотно сжались. Над губами, по обочинам щек, залегли складки, какие бывают у людей с твердым характером.

Ее спину проворно осыпали мурашки. Она сглотнула. Рука непроизвольно потянулась теревить прядь волос у виска. Этот жест отвлек его и оцепенение спало.

– Так вот. Я хочу попросить вас о помощи. Мне больше не к кому обратиться. Не оставляйте меня, пожалуйста, в беде.

Что-то щемящее в ее вопрошающем выражении лица, в беззащитно запрокинутой к нему голове заставило разглядеть хмурую морщину между его бровей. Он поправил черную широкополую шляпу, такую же пыльную, как его грузовик.

– Помогу, – скупно кивнул он и закусил веточку пырея. Развернулся, тяжело затопал обратно. Сел за руль, завел двигатель. Включил заднюю передачу и поехал. Прочь. От нее. И от ее беды.

Влада смотрела во все глаза и не верила такой... Подлости! Это ж надо! Выслушал о ее горе и бросил! Оставил пропадать одну-одинешеньку в поле этих дурацких подсолнухов! Если за экватором поехал, так хоть бы сказал. А то «помогу» и все, а дальше думай-гадай!

– Помогу! – скривив лицо, передразнила она. – Чтоб тебе также помогали! – злобно выкрикнула в его сторону. Размахнулась и ударила кулачком по капоту. Больно. Разозлилась еще сильнее. Замахнулась и ударила ногой по колесу, вымещая на нем свою злобу. Да, только нога обута в открытый сандалик, а удар пришелся по колпаку.

– Вот, зараза! – с досадой выкрикнула Влада.

Слезы навернулись на глаза. Слезы боли, злости и отчаяния. Нет, это всего лишь пыль попала.

Она отвернулась и посмотрела на горизонт. Туда, где ослепительно синее небо сливалось с ярко-желтыми лепестками подсолнухов. Да кого она обманывает? Она чертовски

устала за всю поездку, и за этот день, в частности. Она проголодалась так, что у нее сосало под ложечкой. У нее сломалась машина в Богом забытом месте, и она сомневалась, хватит ли у нее сил выбраться из этой передряги. Одинокая слезинка сорвалась с ресниц и покатилась вниз, оставив влажную дорожку на чумазой щеке.

Вдруг она услышала вдалеке рокот. Обернулась и увидела приближение машины, только задом наперед. Это же тот самый грузовичок, хозяину которого она успела нажелать всех зол. Он остановился в паре метров от ее машины. Все тот же угрюмоватый, молчаливый, с неласковым взглядом мужчина открыл задний борт и спустил из кузова доски. Уложил их в несколько слоев, одним концом уперев в землю. Вернулся в кабину, и Влада услышала посторонний звук. Только сейчас она заметила огромный крюк, который змеёй сползал из кузова. Затем он подцепил ее машину и скомандовал:

– За руль.

Дважды повторять не пришлось. Она запрыгнула в салон и обожгла ноги о нагревшуюся кожу сиденья, но вцепилась в рулевое колесо, не давая автомобилю сойти с траектории движения, когда трос с натужным скрипом стал затаскивать его в кузов. Она успела спрыгнуть на землю до того, как он сложил доски обратно и закрыл борт. Подскочила к нему, не успев тот развернуться:

– Вы не представляете, как я вам благодарна! Спасибо огромное! Если бы не вы, куковать бы мне здесь еще долго!

Сказать по правде, я грешным делом подумала, что бросили вы меня. Оставили на произвол судьбы...

Он скользнул взглядом по ее щеке. Заметил мокрый след и нахмурился. Перекатил зубами веточку:

– Сказал, что помогу.

– Сказали, – Влада воздела глаза к небу и передернула плечами, – но в наше время слова утрачивают свою значимость. Да, ладно, – отмахнулась рукой, – я рада, что на Свете еще не перевелись честные люди. И один из них – вы! – счастливо щебетала девушка, позабыв про усталость. – Забыла представиться. Я – Влада, – она протянула ему руку для рукопожатия.

Он опустил взгляд на ее маленькую, белую, холеную ладонь, не знавшую тяжести физического труда. Осторожно обхватил ее своей, большой, широкой, как лопата, черной от земли, мозолистой от каждодневного труда. Ее ладонь почти исчезла в его лапище. Слегка пожал ее, ничем не выдав охватившего его волнения.

Только когда они сели в машину, после его скупого «едем», она сообразила, что он так и не представился. Станный тип, ну, да ладно. Зато реально помог.

Когда решилась одна проблема, на первый план вышла другая. Чувство голода снова взяло вверх, да так сильно, что стало слышно в тишине кабины, как урчит в животе. Чтобы скрыть неловкость этих звуков, Влада начала говорить.

– Вы знаете, я ищу одного человека. Собственно, из-за

чего я и застряла в поле. Возможно, вы знаете его и подскажете, где мне его найти? Он, вроде как, хорошо известен в этих краях.

В кабине было душно. Ни о каком кондиционере здесь и речи не шло. Стекла были опущены до конца, и от этого внутри было очень пыльно. Тишину разбавлял скрип кузова да звук мотора.

Она снова посмотрела на неподвижный, словно выточенный из камня, профиль своего спасителя. Только изредка шевелились сильные челюсти с дневной щетиной, гоня травинку по рту. Желваки бугрились и сильно выпирали при каждом таком движении. Интересно, сколько тростинок он сжевал, чтоб так натренировать их?

– «Солнечная Долина». Слышали о таком? Он хозяин этого местечка. Его зовут...

Внезапный звук шипения перебил ее. Затем по рации, что была прикреплена к панели, зазвучала басовитая речь. Ее изредка перебивали помехи.

– Телушка, чертяка проклятая, искорежила оградку и зашла, дура, в топь. По лопатки ушла под воду и стоит, орет, мать ее раз так! Парни недалеко были, услышали. Бечевкой ее скрутили, за шо попало, да выкорчевали. В загон привели, ту ноги не держат. Валится и не хочет подыматься, хоть ты тресни! Надо бы глянуть. Коли она того – зарубать, шоб мясо не пропало. Слышь?

Мужчина нажал кнопку на рации и ответил:

– Погляжу.

Снова шипящий звук.

– Сашка, сучий отродок, трактор трошки не сгубил, подлюка. Знал, что на ремонте стоит, нет, взял его, чертяка поганный, да в поля укатил. Поработал полдня. Опосля заводить, а тот ни в какую. Тыркал, тыркал – все бестолку. Глядь, а из мотора все масло убёгло. Парни на него, ты, мол, такой да растакой! Пошто ремонтную вещь взял? А тот, дурень, ток руками по сторонам разводит. Надо бы в ремонт его отвезть, али как?

Черный палец с грязью под ногтем нажал на кнопку:

– Займусь.

Все стихло. Только Влада собралась продолжить расспросы, как рация снова зашипела:

– И еще. Тут девица тебя ищет. – Влада стрельнула глазами на рацию. – Из какого-то журнала. Потолковать с тобой хочет. Статью об тебе написать. Виталий ей от ворот поворот, а той нейдется. Где, говорит, он? Сама, мол, найду. Упертая, в общем. Я ее в поля направил, дескать, там ищи, а ежели не сыщешь, так вечерком воротайся. Чую, так просто она не отступится, уж больно настырная...

– Разберусь.

Даниил боковым зрением видел, как девушка развернулась и внимательно разглядывает его. Ее красивые серые глаза увеличились до размера блюдца, и она сканировала его с неопишуемой смесью неверия и сомнения. Она молчала.

Молчал и он. Наконец, она не выдержала:

– Это вы?!?!?!!

Не сводя глаз с дороги, он небрежно прикоснулся пальцами к полям шляпы:

– Собственной персоной.

– Не может быть! – после короткого замешательства выдохнула она. – Мне сказали, вы страдаете от ДЦП.

Затаив улыбку в жестком угле рта, он ответил:

– Разве не видно, как я страдаю?

Путь продолжился в тишине. Влада переваривала и с трудом усваивала полученную информацию. Мышиная суэта собственных мыслей мешала трезво оценить ситуацию. Она готовилась увидеть хилого человечка, который передвигается при помощи трости. Или даже в инвалидном кресле. Но никак не крепкого, высокого, в расцвете сил мужчину! Она ожидала увидеть все, что угодно, кроме этого!

На подъезде во двор она собралась с мыслями.

– Позвольте представиться... Еще раз, – прокашлявшись, начала она. – Меня зовут Владислава Ларина. Я – корреспондент журнала «Нужные люди». Я здесь для того, чтобы взять у вас интервью и опубликовать ее в нашем журнале.

Он остановил грузовичок у амбара, не глядя на нее, отрезал «нет» и вышел. Влада опешила.

– Постойте! – она спрыгнула с подножки, обежала кабину и припустила за ним. – Да, погодите же! Что значит «нет»?

Он остановился и развернулся так внезапно, что она с раз-

маху налетела на него. Ей показалось, что она стукнулась о камень.

– Зачем? – он в упор посмотрел на нее, и густо-синие глаза блеснули ей, как нехорошо.

– Затем, чтобы освятить ваши благодеяния. Затраченные вами непомерные силы для улучшения и преобразования этого края.

– Зачем? – снова рыкнул он, и ноздри его шевельнулись, как у разъяренного быка.

– Затем, чтобы привлечь в эти места больше людей: работников и туристов. Чтобы развивать этот регион и дальше. Улучшать его экономику.

– Я не знаю, что с этими делать, – он неопределенно дернул головой и перекатил травинку, от чего желваки снова вздулись. – Не надо новых.

С кем «с этими» Влада не поняла, но уточнять не было возможности. Он круто развернулся и стал открывать борт.

– Но почему не надо? Разве вы не желаете процветания вашему краю? Не хотите улучшения качества жизни? Разве не хотите грамотных, толковых людей в помощники? Этим перспективным местом заинтересуются многие и приедут, чтобы вместе с вами продолжить развивать и обогащать край!

Она только и успевала уворачиваться от досок, которые он снова вытаскивал и укладывал между кузовом и землей. Когда она закончила, он с особой ожесточенностью бросил одну доску и повернулся к ней:

– Знаете, для чего на самом деле приедут эти «знающие» и «толковые» люди? Грабить и присваивать все, что нажито здесь неподъемным трудом! Они, как цыгане, обворуют, до нитки обдерут. Отберут все, на что руки подымутся и уедут восвояси. Легкая добыча! Разве не так это делается??

Влада не сумела выдержать его устрашающий взгляд, и первая отвела глаза.

– Не всегда... – уклончиво проямлила она, но в душе понимала, как он прав. Он невесело усмехнулся и продолжил разгружать доски.

Влада стала нервно теребить прядку. Она не может допустить провала! Ей позарез нужна эта статья! Ладно, черт с ней, со статьей. Она жаждала заполучить высокую должность, а для этого, как ни крути, нужна статья...

– Хорошо. Допустим, вы правы, и освещение в прессе может нанести больше урона, чем пользы. Но ведь я – журналист. В моей власти не искажая фактов описать их в таком неприглядном свете, выставить такими пугающими, что к вам еще долго никто и носа не сунет.

Он будто не слышал ее. Забрался в кузов, подтолкнул машину к самому краю. Слез и включил работу крана.

– Я правда могу так сделать! – перекрикивая шум двигателя, она подошла к нему вплотную. – Все журналисты обладают способностью описывать одни и те же факты с разных сторон.

Он спустил машину и заглушил мотор, все также, не об-

ращая на нее внимания. Влада начала уже отчаиваться достучаться до него. Он пошел отцеплять крюк. Вот тут-то она и перехватила его, встав прямо перед ним, загораживая дорогу.

– Прошу вас, Даниил Алексеевич! Мне очень нужна эта статья! Это... Это связано с моим повышением, – чуть замямвшись, призналась она. – Я клянусь написать ее в максимально неприглядном свете! Я напишу про адский климат так, что ни один турист не захочет зажариться здесь живо. Напишу про невозможный труд, и ни один работяга не захочет гнуть здесь спину под палящим солнцем. Напишу, как много предстоит еще проделать работы, чтобы вывести этот край хоть на мало-мальски приличный уровень. И любой здравомыслящий вор поймет, что ловить здесь нечего. Я умею сгущать краски! Поймите, главное в этой статье – это вы. Ваша личность. То, как вы с вашим недугом не просто встали на ноги, но и преобразили край. Но тут я слукавлю, обещаю.

Он смотрел в эти просящие глаза цвета неба перед грозой и не мог им противиться. Еще и руки у груди в мольбе сложила. Да что ж он, ирод что ль, в самом деле?

– В самом неприглядном свете, – четко и отдельно приказал он.

– Мрачнее не придумать! – клятвенно подняла ладошку и ее глаза вспыхнули новым блеском. Он тяжело вздохнул и отвел свои, покорно принимая поражение перед этой...

Журналисткой.

– Когда вам удобно беседовать со мной?

– В обеденное время.

– Договорились! – довольная улыбка осветила ее лицо. –

Машина останется здесь?

– Парни посмотрят. Смогут – починят. Нет – в город увезу.

Он, было, сел в грузовик, чтобы отогнать его, но девушка снова его окликнула:

– Даниил Алексеевич! Я присмотрела в городе гостиницу, но случился форс-мажор, – она указала глазами на свой безжизненный агрегат, – и я теперь не знаю, как мне добраться туда...

Она смотрела на него, он – на нее. Оба молчали.

– Вы не могли бы меня отвезти? А завтра... Не знаю. Что-нибудь придумаю, – пожала плечами.

А завтра привезти ее сюда, а вечером снова увезти. И так далее, пока не напишет свою дурацкую статью. Ей палец в рот не клади! Он спрыгнул с подножки и захлопнул дверцу. Чуть сильнее, чем обычно.

– Идем.

Влада аккуратно ступала в босоножках на тонюсенькой подошве по земле вперемешку с гравием и навозом, едва поспевая за его размашистым тяжелым шагом. Перед домом он остановился. Окна на первом этаже были распахнуты настежь. Их прикрывала москитная сетка.

– Раиса Семеновна! – зычно крикнул он. Получилось что-то вроде «Раисемённа».

В дверях парадного входа появилась крупная, дородная женщина, широкая в кости, средних лет, в белом чепце, муслиновой кофточке и длинной юбке. Она вытирала полные натруженные руки о передник и с интересом поглядывала на Владу.

– Принимай гостью, – распорядился Дании и оставил женщин.

Глава 4

Он шел к грузовику и почувствовал самопроизвольное сокращение трапеции. Что за чёрт? Давненько он такого не испытывал. Забрался в кабину и повел плечами, разминая, прогоняя спазм. Сам себе помассировал плечи. Опустил голову. Смотрел невидящим взглядом перед собой, но видел другую картину: худенькая и гибкая, как тростинка, девушка, размахивала руками и подзывала его. Тонкие смуглые руки с обожженными солнцем отметинами на плечах. Длинные ноги с красной сгоревшей кожей на бедрах и икрах. Клочок ткани, который едва прикрывал ее задницу, назвать шортами язык не поворачивался. Тоже... Нашла моду! Кто ж в такое пекло оголяется? Эх, кулёма...

Он завел двигатель и отогнал грузовик на стоянку к остальной рабочей технике. Разыскал механиков, велел не сегодня – завтра осмотреть машину и устранить поломку. Сам отправился на баз оглядеть телушку. Та оклемалась.

Спокойно держалась на ногах и дала себя ощупать. Никаких явных повреждений он не нашел. Завтра можно отогнать ее обратно в стадо. И залатать оградку. Двор стал заполняться привычным гулом работников. Все возвращались с полей, готовились вечерять.

Тем временем, Влада забрала из машины вещи. Домработница, она же кухарка, она же экономка, показала ей незамысловатое устройство дома: внизу кухня с выходом на просторную крытую веранду, кабинет хозяина, прачечная, санузел. Наверху две спальни. Собственно все. Влада оставила сумки в гостевой спальне, смыла с себя дорожную грязь и зашла в кухню. Ароматы свежеприготовленной пищи сводили с ума.

– Я готова съесть целого слона! Или быка! Или... Что это? – она подошла к плите, у которой хлопотала Раиса Семеновна, и заглянула через ее плечо на огромный чан с кипящим мясом.

– Да на тебя без слез не взглянешь! Кожа до кости! Соплей прошибешь! И откуда такой аппетит? – подивилась кухарка.

– На аппетит никогда не жаловалась, а худоба, – Влада пожалала плечами, – какая есть.

– Ну, садись, накормлю. Здесь садись, нечего на веранде делать. Там зараз батраки набьются – сносу тебе не дадут, загутарят.

Влада послушно села за маленький стол и с жадностью набросилась на еду. Раиса Семеновна оказалась женщиной

проницательной и не отвлекала ее расспросами, пока та ела. А видит Бог, ее так и подмывало все разузнать. Она украдкой бросала нетерпеливые взгляды на девушку. Только когда Влада перешла на чай с пирогом и заметно снизила скорость поглощения пищи, она спросила:

– И откель ты взялась, лапушка?

– Издалека. Меня редакция журнала отправила «писать заметку про вашего мальчика».

Толстые губы кухарки растянулись в улыбке. Она доставала из шкафа стопки тарелок, укладывала на них столовые приборы. Нарезала свежеиспеченный хлеб и складывала куски в корзину. Откупоривала банки с разносолами. Все это выносила на веранду и ставила на огромный стол. Не отрываясь от дела, уточнила:

– И надолго в наших краях?

– Как напишу, так и уеду. Только машину починить надо, а то сломалась сегодня.

– Это наши молодчики зараз справят. Мой старший сын дюже хорошо смыслит в этих моторах.

– А где он? В городе? – с набитым ртом спросила Влада.

– Нет, здесь. На ферме трудится. И муж мой здесь же. И я. Все мы сюда перебрались. Сколотили избушку да живем.

– Давно?

– Давненько. Еще с тех пор, когда здесь дом стоял, один, вот этот, да амбар для скотины. Потом увеличилось хозяйство. Скотины прибавилось, полей. Стали выращивать зер-

но, подсолнухи, бахча появилась. Скота развелось на мясо и шерсть. Тогда и название дали – «Солнечная Долина». И понабежали лиходеи. Работнички золотые. Кто – сезонники, а кто и на постоянство. Обзавелись рабочей техникой, инструментами разными. Под них построили гаражи и амбары, мастерские. Скотный двор разросся, ажник на дрожжах. Построили зерновые базы, хранилища. Ой, всего и не перечить.

Влада доела пирог и допивала чай. Сытый организм размлел. Низкий голос домработницы убаюкивал. Ее смуглое блестящее от пота лицо оживлялось богатой мимикой. Руки проворно сервировали стол на веранде. Ноги без усталости перемещали ее полное, сильное, энергичное тело. Наверняка от этой добродушной женщины можно получить уйму полезной информации. Надо бы втереться в доверие.

– Я совсем иначе представляла себе это место. Думала, оно тихое и заброшенное.

– Так и было еще пару лет назад. Здесь жил хозяин, я с семьей да Степан, старый хохол. Его лачуга стоит близь нашей. Это потом понаехали эти приبلудные. Корми теперича каждый день эту ораву.

Все в этой женщине излучало добро. Даже ворчала она по-доброму, по-матерински ласково. Она сняла чан с мясом с плиты и понесла его на веранду. Туда же отнесла большую кастрюлю с отварным картофелем. Достала из духовки пирог и громко позвала вечерять.

Влада видела через окна, как работники стали стекаться к столу и рассаживаться. Она широко зевнула и потерла покрасневшие от усталости глаза.

– Шла бы ты спать, милка. Небось устала с дороги. С расцветом эти ротозеи шуму наведут на базу, хочешь – не хочешь, а проснешься.

– Пожалуй, пойду, – сонно согласилась та. Убрала за собой грязную посуду в раковину и вот тут Раиса Семеновна разглядела ее.

– Ба! Да ты никак сгорела! Места живого на тебе нет! Нака, намажься, а то слягешь, – она достала из холодильника простоквашу и сунула Владе. Положила свою огрубевшую ладонь на ее лоб, – температуры будто нет. И то хорошо. И угораздило тебя обгореть так? Ну, ступай.

– Так получилось, – Влада вяло пожала плечами и побрела в спальню. Глаза закрывались на ходу. Она еле переставляла ноги. Жар исходил от обгорелых участков кожи и только усиливал общее недомогание. Она намазалась простоквашей и, не дождавшись пока та впитается, провалилась в глубокий сон.

Глава 5

Проснулась Влада, чуть забрезжил рассвет. Не по своей воле, понятно. От невообразимого шума под окнами. Она подошла к окну и увидела, как бурная деятельность развернулась по всему двору. Кричали все и наперебой. Должно быть, птицы, что извещают мир о рассвете, были глубоко

оскорблены ущемлением своих прав.

Она потянулась, пристав на носочки. Отодвинула белоснежную занавеску и примостилась на краешке подоконника. Ей, человеку городскому до мозга костей, все происходящее вокруг было в новинку и в диковинку. Она впитывала атмосферу слаженного труда простого сельского хозяйства. Поискала глазами Даниила Алексеевича, но не нашла.

Немного погодя, шум стих. Почти все работники разъехались. Животные умолкли, получив утреннюю порцию кормёжки. Вот тогда Влада спустилась в кухню. Там уже всюду сутилась Раиса Семеновна.

– Доброе утро!

– Привет, голуба. Садись кушать. Чай пьешь или кофей?

– Чай. Если есть – с мятой.

– Вот и правильно. Не понимаю, как можно пить эту горькую отраву?

– Тогда зачем турка?

Влада увидела ее на столе, причем недавно использованную.

– Это Алексеича. Жить, говорит, не может без этого кофея. Налегает, как пьянь на самогон. А ему-то как раз бы ослабануть...

– Почему? – тут же заинтересовалась Влада.

– А, – махнула та рукой, – сам растолкует, коли нужным сочтет. Ты вот что. Сходи-ка до огорода да нарви мяты к чаю. Мятку не держу, а она в самый раз сгодится.

Получив указание, Влада вышла из дома. Поёжилась в прохладе рассветного часа. Обошла дом и направилась к огороду. Дорогой залюбовалась дивными красками неба. Ступня погрязла в чем-то теплом и мягком. Опустила глаза и все очарование, как ветром сдуло. Она брезгливо поморщилась и отвернулась. Почувствовала густой, терпкий запах свежей коровьей лепешки, на которую наступила. Отличное начало дня!

Морщась от вони и посмеиваясь над ситуацией, она подошла к пока еще распахнутым окнам кухни. Обрисовала домработнице свою беду и по ее направлению отправилась к летнему душу. Смыла следы недавнего конфуза прохладной после ночи водой и пошла за мелиссой, теперь уже внимательно глядя под ноги.

– Ох, и насмешила ты меня, милка! Кто ж на базу ворон считает? Там только под ноги и глядеть. Иной раз цыпленок выбежит, заплутает – как бы на него не ступить. Иль крыса дохлая валяется, как Егорыч травлю устроит. Бывает и ужик заползет. Всякого добра хватает! Рот не разевай.

– Учту, – Влада мотала на ус наставления тетки.

После завтрака она приняла душ. Нехотя обмазала себя простоквашей по наказанию кухарки и села за ноутбук проверять почту. Но связи не оказалось. Ни мобильной, ни какой.

– Раиса Семеновна, здесь есть интернет? – спросила Влада, снова заходя на кухню. Домработница заканчивала мыть

посуду.

– Что ты, милушка. Отродясь не было.

– Вот те на! А если нужен?

– Да кому он тут нужен?

– Мне, например. Поработать.

Домработница обернулась к девушке:

– Тогда в город поезжай.

– Не на чем. Машина не на ходу.

– Стоило накануне об этом покумекать.

– Если б я знала...

Видя, как поникли худенькие, вымазанные белой простоквашей плечи девушки, хозяйка сменила строгий тон на утешительный.

– Ну, ничего. Отдохни трошки без этой работы. Она не волк, чай, в лес не убежит.

Делать нечего. Влада прошла в кухню и села на низенький табурет у мойки. Удивленно посмотрела:

– Но как же вы живете совсем без связи? А вдруг позвонить надо? Или экстренная помощь кому понадобится?

– А как раньше люди жили без связи? – резонно заметила кухарка, косо глянув на нее светлыми глазами. – Так и мы живем. Ежели кому сообщить что нужно, так мы заранее договариваемся с тем, кто поедет в город. Там и телефон есть, и почта. И интернет, если надо. В город каждый день ездят.

– После некоторого молчания она продолжила. – А вообще, больше вреда от этого интернета, чем пользы. Я так считаю.

Не было этой всемирной связи, и жили себе, бед не зная. А сейчас? Пovyлазила эта грязь: кто с кем спит, да кто сколько ворует. Тьфу! Стыдоба!

– Это «желтая» пресса. Такая и в печатных изданиях есть. Но ведь от интернета и много пользы есть.

– Ой, ли? Например?

– Например... прогноз погоды.

– А народные приметы на что?

– Не все их знают.

– То-то и оно. Сначала прохерили всю мудрость, что народ веками копил, а потом понаделали всяких там...

– Метеослужб, – подсказала Влада, украдкой улыбаясь.

– Их самых! Ох, ладно. Некогда мне тут с тобой гутарить. Хочешь – помогай, а нет – не мешай.

Влада с удовольствием слушала бесхитростную неторопливую речь этой женщины. Она тушевалась всякий раз под ее грозным взглядом, каким тот казался из-за тяжелых век. И каждый раз ободрялась, когда за этим взглядом следовала добрая улыбка. С восторженным удивлением вслушивалась в вышедшие из обихода словечки, которыми она приправляла свою речь. Слух ласкал особый акцент. И, конечно же, она согласилась помогать, чем бы ее ни заняли. А занятие оказалось совсем не сложным: натереть картофель на драники, чтобы за ужином накормить всю ораву голодных ртов. Благо, что к бытовой технике хозяйка относилась благосклоннее, чем к интернету. На комбайне тереть картоху и быстро, и

легко.

Когда солнце взошло высоко, Раиса Семеновна закрыла окна и опустила жалюзи. Женщины вели простецкую беседу, мирно и слаженно работая на кухне. Кухарка то и дело посмеивалась над потешными байками из жизни Влады.

–... и когда я перепутала кориандр с кардамоном, этот тщеславный эстет бросил меня!

– Моим остолопам все одно: хоть бы и посолить забыла. Слопают за милую душу и спасибо скажут, – веселясь, вставляла свои реплики раскрасневшаяся домработница.

– Вот бы и ему таким быть! Нормальным, как все мужчины! – с жаром продолжала Влада. – Так нет же! Он мне всю душу вытрепал! «Как можно перепутать привкус одной травы с ароматом сладко-острой другой?» А я перепутала, представляете? Вот взяла и перепутала! Потому что не различаю их, ни по вкусу, ни по виду! И я искренне не понимаю, как можно уловить в блюде несколько разных ноток пряностей? Для меня – или блюдо вкусное, или – нет. Все! Максимум, что я могу заметить, это если его пересолили. Какие уж там нотки пряностей?

Раиса Семеновна месила тесто из протертой картошки и от души хохотала над уморительным рассказом Влады. Та сидела на табурете и чистила комбайн. За этим занятием и застал их Даниил, только что вошедший в кухню.

– Время беседы, – коротко напомнил он, когда домработница отсмеялась. Обе обернулись.

– Хорошо. Куда мне пройти? – быстро переключилась на деловой тон Влада. Но он успел заметить, как искорки смеха еще не все потухли в ее глазах.

– В кабинет.

– Данила Алексеич, милушка, отобедаешь? – звенящим от смеха голосом спросила кухарка.

– После, – отрицательно качнул головой и скрылся за дверями.

Влада ополоснула руки, сбегала в спальню за необходимыми принадлежностями и спустилась в кабинет. Даниил Алексеевич уже ждал ее. Он сидел за письменным столом. На него же положил свою широкополую шляпу. Влада увидела его кучерявые темно-русые волосы, влажные и блестящие от пота. Высокий лоб, вдоль и поперек изрезанный морщинами, был светлее, чем нижняя часть лица и шея. Наверняка и туловище, спрятанное под рубашкой от солнечных лучей, тоже светлее, чем руки.

Она подошла и села на стул напротив него за тот же стол. Он отметил, что сегодня на ней длинные шаровары и майка. Влада положила перед собой блокнот и ручку. Поставила между ними диктофон.

– Вы не против, если я буду делать не только письменные пометки, но и записывать беседу?

Он отрицательно качнул головой. Внимательно следил за каждым ее движением. Наконец, она приготовилась и подняла на него глаза:

– Итак. Начнем. Скажите, откуда вы родом?

Он смотрел на нее пристально, неотрывно. Ей тяжело было выдерживать его тяжелый, подавляющий взгляд.

– Вы родились здесь? – уточнила вопрос на его молчание. Качнул головой. – А где?

Он назвал городок и увидел, как она улыбнулась, делая пометку в блокноте.

– Как тесен мир. Я родом оттуда же, и тоже уехала, – заговорила она, не поднимая головы. Она пыталась разрядить гнетущую обстановку и разговорить собеседника. – Если вы скажете, что жили на Рисовой улице, я поверю в чудо!

– В доме 52, – прозвучал его голос. У Влады сползла улыбка с лица, а вместе с ней и все краски. Подняла на него потемневшие от волнения глаза. Рот непроизвольно приоткрылся, и между бровей залегла складка. – Мы были соседями. Конфетка.

Эти слова окончательно добили ее. Ручка выпала из онемевших пальцев. «Конфетка». Так называла ее добрая тетя. Мама мальчика в инвалидной коляске.

– Не может быть! – она вглядывалась в жесткие черты лица этого сурового, жесткого мужчины и не видела ничего общего с тем мальчиком, который даже голову прямо не мог держать. – Это был ты? Ты жил на четвертом этаже? Это твоя мама каждый раз угощала меня конфетами? – глядя на него, как на призрака, допытывала девушка.

Он кивнул. Ничто в нем не выдавало того же волнения,

что охватило Владу. Разве что глаза стали еще проницательней и настороженней.

– Тебя не узнать! Ты стал совсем другим человеком! Ты...
– она задохнулась от одолевших эмоций. Выдохнула и улыбнулась, прикусив нижнюю губу. Ее глаза заискрились. Он тоже незаметно выдохнул. Внутреннее напряжение, что тугой пружиной скрутило его, ослабло. Взгляд потеплел. – Так вот, как тебя зовут. Да-ни-ла, – протянула она на распев, а у него сердце пропустило удар. – Мне все было интересно, и все никак не могла узнать.

Они еще некоторое время безмолвно смотрели друг на друга. Обнимали друг друга глазами. Впитывали новые образы. Влада не переставала улыбаться таким чудесным изменениям друга детства. А он... Что творилось в его душе, сам чёрт не разберет.

– Что ж, продолжим, – первой опомнилась Влада и снова склонилась над блокнотом, взяв ручку. – Вы родились в полной семье? Вас воспитывали оба родителя?

– Я думал, мы перешли на «ты».

Влада подняла на него лучистые глаза.

– Да, пожалуй, так будет удобнее. Боже мой, Данила! Я не могу поверить, что это ты! Ведь ты был прикован к инвалидному креслу!

– Был, – согласился он.

– И... – она пробежалась по нему глазами, – и твои руки!
Они перестали тебя не слушаться!

Она отбросила ручку и схватила его за руки. Большие, натруженные. С волдырями мозолей на широких ладонях. Черные от земли. С короткими сильными пальцами. Ее крохотные ладошки казались кукольными.

Вдруг его пальцы конвульсивно дрогнули. Не все, некоторые. Спазм прошелся по рукам и затих в основании шеи.

– Не совсем, – ответил он.

В его душе взорвался шквал эмоций. Они захлестнули с головой, мешая дышать и током промчавшись по венам. Вспыхнули в голове, ослепляя сознание. И это всего лишь от одного касания девушки. Но на лице не дрогнул ни единый мускул.

– Прости, – она мягко выпустила его руки. – Я постараюсь больше не перебивать. Иначе мы никогда не начнем!

Помолчав немного, он сказал:

– Ты видела, как ушел мой отец.

Влада сощурилась:

– Это было в тот вечер? – Он кивнул. – Но постой. Вас я тоже тогда видела последний раз. Думала, вы вместе съехали с того “злачного” места.

– Нет. Он ушел один. Больше мы не видели его.

– И ты зол на него?

Желваки заиграли на его челюстях. Он нахмурился и отвел взгляд. Посмотрел в окно.

– Я не могу сказать, что злюсь на него. Это адский труд – растить калеку. Он высасывает жизненную энергию, все си-

лы. Он опустошает душевно. И эмоционально. Это неподъемный труд. Он дается упорством, злостью, – Даниил перевел глаза обратно. Глянул неприступно и сурово. – Это нескончаемая пытка. Вечная боль и страдание. Мука видеть своего ребенка таким.

Его речь была отрывистой и неспешной. Он тщательно подбирал слова и в каждое из них вкладывал особый смысл.

– Я не злюсь, что он ушел от меня. Не стану кривить душой и заявлять, что сам никогда бы так не поступил. Будь у меня выбор: прожить такую жизнь еще раз или не жить вообще, я выбрал бы второе. Я злюсь за то, что он оставил мать. Он мог не видеться со мной, но должен был поддерживать ее.

– Кстати, где она? Я бы с удовольствием ее навестила!

– На кладбище. Она скончалась два года назад.

– Прости...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.